

Стефания Иванова

Ирина Сандомирская. Past discontinuous: фрагменты реставрации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 520 с. ISBN 9785444818411.

*Стефания Иванова, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия.
vvnstefania@gmail.com.*

«Жизнь течет обрывистыми кусками, принадлежащими разным системам», – писал Виктор Шкловский (1923:260). Определить эти системы и движущие ими силы стремится Ирина Сандомирская в книге «Past discontinuous: фрагменты реставрации».

Сандомирская работает в Университете Сёдертёрн (Швеция) в Центре балтийских и восточноевропейских исследований (профессор по специальности cultural studies), занимается проблемами истории культуры и языкознания. Ее работы посвящены исследованию системы социальных отношений и культурных феноменов в XX веке через интерпретацию дискурсивных практик: режима письма (Козлова и Сандомирская 1996), риторической машины идеологии (Сандомирская 2001). Подобные методы характерны для работ Вальтера Беньямина, на которые исследовательница во многом опирается, дополняя их филологическими и лингво-социологическими инструментами.

Книга «Past discontinuous: фрагменты реставрации» написана в результате работы с 2017 по 2020 год над проектом «Transnational Art and Heritage Transfer and the Formation of Value: Objects, Agents, and Institutions» (Транснациональная передача искусства и наследия и формирование ценности: объекты, агенты и институты). Исследователи изучали способы трансформации ценностей (в особенности культурных), акторов символического и материального обмена, а также то, как в процессе изменений коллективные переживания, воспоминания становятся универсалиями и формируют воображаемую и политическую географию.

Книга выпущена в 2022 году в серии «Научная библиотека», цель этой серии – фиксация новых тенденций в гуманитарной науке с фокусом на междисциплинарных исследованиях. «Новое литературное обозрение» систематически издает работы, объединенные научной рефлексией о «советском» и его влиянии на современную литературу, культуру, политику и историю. В статьях и монографиях предлагаются «категории» советского человека, рассматриваются культурные практики, дискурсы и нарративы, например, «как это было навсегда, пока не кончилось» (Юрчак 2014).

В российских исследованиях последних лет все более отчетливым становится отдельное направление изучения советского наследия: каким образом фрагменты советской жизни – практики, идеи и вещи – позволяют нам выстраивать отношения с прошлым и/или создавать и переизобретать его. Отдельно отметим издание «Будущего ностальгии», книги Светланы Бойм (2019). Эта работа стала поводом для обсуждения природы памяти, нюансов ностальгии. В 2022 году была издана

монография Алексея Голубева «Вещная жизнь» (2022) на схожую тему: как материальные объекты участвуют в конструировании идентичности.

Сандомирская предлагает иной взгляд на советское прошлое. Подход Сандомирской отсылает к теоретическому наследию советского теоретика искусства Виктора Шкловского. Шкловский – теоретик формализма, писатель и сценарист. Стиль его повествования отличался монтажностью, для него были характерны короткие отрывистые фрагменты, скрепленные скрытыми связями и акцентом на структуре текста, его «сделанности». Сандомирская же ищет механизмы, с помощью которых прошлое, воплощенное в объектах, оказывается идеологическим инструментом, частью экономики и позволяет сочетать «утопическую ориентацию на прошлое» с патримониальным синдромом «в постпамяти современной России» (с. 12).

Цель рецензируемой работы – ответить на вопрос: почему «прошлое в форме коллективной памяти, национального наследия, индивидуальных патримониальных эмоций и коллективных аффектов в наше время получило такую власть над современностью?» (с. 17). Сам вопрос оценочен: обозначая патримониальность как пресуппозицию, исследовательница задает теоретическую рамку своей книги. Она предполагает, что прошлое, которое влияет на нас с помощью патримониальных аффектов и коллективных эмоций, становится пресуппозицией, предзаданностью, и как бы говорит читателю: «Нами владеет прошлое, нужно лишь только понять, какими именно средствами». Сандомирская полагает, что эти средства – вещи. Соответственно, главный исследовательский вопрос книги: как с помощью отношения людей и вещей в российском настоящем выстраиваются отношения с советским прошлым?

Книга состоит из предисловия, четырех глав первой части и восьми глав второй части. Подзаголовок «фрагменты реставрации» отсылает нас к работе Виктора Шкловского «Моталка». Авторское эссе по мотивам этой работы становится ключом к пониманию структуры книги и ее идеи. Кино-моталка как инструмент, пересобирающий смыслы снова и снова, обозначает алогичность и произвольность жизни. Ведь только «безумие систематично, во время сна все связано» (Шкловский 1923:260). Такой формалистский подход позволяет увидеть за нарративами о советском, за историей (создающей четкую и строгую линию повествования и причинности) и работой памяти (создающей миф о прошлом) конструкцию. «There is no metonymy», – утверждает Сандомирская (с. 13).

Исследовательница задается вопросом: а существует ли подлинное прошлое? Если памяти не существует, а жизнь – это набор фрагментов, которые монтируются в произвольном порядке, то «нет никакого прошлого, кроме того, что можно для себя выбрать революционным выбором и перечитывать снова и снова» (с. 507). Так, по мнению автора, рождается дискурс, обозначенный Шкловским как дискурс «сходства сходного», в котором моталка из эстетического принципа становится технологией производства смыслов, а затем и идеологией (с. 510). Опираясь на идеи Шкловского, Сандомирская предлагает смотреть на взаимосвязи и отношения общества к прошлому как на продукт идеологии, политики и «конструирующего принципа художественного воображения» (с. 510).

Past discontinuous – несомненно удачный термин для обозначения этого состояния, категории, выражающей то прошлое, что утратило всякую релевантность и связь с настоящим, которое бесконечно изобретается и пересобирается.

Каждая глава книги Сандомирской – это отдельный законченный тезис, названия глав и подразделов разнородны и довольно поэтичны: «О ценностях, “извлеченных из небытия надежд”», «О любви», «О светильниках: патримониальное воображение, тактильное чувство истории и любовь Свана», «О реставрации как аллегории революции». Главы связаны магистральными темами «манипуляций» с объектами и их содержанием, советским наследием, разрушающей природой революции/реставрации. И в каждой из них оказываются свои сюжеты, герои и культурные события.

В предисловии исследовательница обращается к философии реставрации и природе вещей на материале исследований о реставрационной практике во Франции и России, привлекает для иллюстрации фрагменты из литературных произведений, опирается на работы о природе наследия и теории литературы, философии. Богатая библиография – несомненное достоинство этой книги, как и сопоставление советских/российских источников и исследований с аналогичной практикой изучения природы ценностей, наследия (heritage) и влияния политики на культуру на Западе.

В первой части, изучая вещи, Сандомирская рассматривает простой и одновременно сложный вопрос: существует ли вещь сама в себе (ein bloßes Ding), вне ее интерпретаций? Соединяя идеи философов Мартина Хайдеггера, Жака Дерриды, Вальтера Беньямина о вещах и коллекционировании с исследованиями маркетинга, экономики внимания, исследовательница доказывает тезис Хайдеггера: при попытке определить вещь производится много смыслов, схем, в то время как сама вещь оказывается «отодвинутой еще глубже в тень своей само-бытности и само-отверженности» (с. 105).

По мнению Сандомирской, в процессе изменений, манипуляций вещь становится одновременно и материальным субстратом, телом дискурса и жеста, носителем поля, эфемерным телом симулякра: снимком Пальмиры вместо Пальмиры, спасенным реставраторами стулом из гарнитура во время Великой Отечественной войны. Представление о вещи может быть отделено от материальной составляющей и существовать отдельно. Исследовательница использует теорию Алоиза Ригля о двойной технике видения вблизи и издалека (с. 109). Вещь становится памятником истории только находясь на значительном удалении от субъекта, когда воображение о вещи замещает саму вещь, «исходя из иллюзии целостности, гармонии и непрерывности объекта, субъект действительно считывает свои собственные ассоциации, то есть считывает сам себя» (с. 112).

Опираясь на это, Сандомирская изучает процесс превращения вещей, зданий и сооружений в исторические памятники, манифестирующие идеологию империи, имущества и непрерывность истории, связывая эти процессы с XIX веком. Затем, в 60-х годах XX века, по ее мнению, происходит утверждение категории «наследия», чье появление Сандомирская связывает с формированием общества потребления и своего рода «спектаклем» по Фебру (с. 130), где наследие понималось анахро-

нично, анатопично и связывалось с отдельными предметами, в которых воплощались переживания и ритуалы, коллективные «патримониальные эмоции» (с. 134).

Во второй части Сандомирская рассматривает процессы трансформации вещей, памятников и ценностей в СССР после революции. Они оказываются заключены в процессах реставрации и реконструкции и связанных с ними бесконечных деконструкциях и разрушениях. Реставрация, по мнению автора, является процессом «стирания старых и нанесения новых записей прошлого на один и тот же носитель» (с. 437–438), а также особым режимом историчности, при котором в СССР конструировали новые ценности для новых людей, используя разнообразные формы насилия. С точки зрения типологии реставрации Сандомирская выделяет несколько подходов:

1. Реставрация-революция «ищет в прошлом начало новой истории, стремясь расчистить время до абсолютной чистоты» (с. 438). Стирается при этом весь предыдущий культурный опыт.
2. Реставрация-реституция – это попытка восстановить вещь в ее «мистической первоначальной целостности» (с. 439).
3. Реставрация-реабилитация – иносказательная запись того, о чем нельзя вспоминать, что уже запрещено помнить.
4. Реставрация-рекреация – история оказывается полностью подавлена удовольствием духовного потребления, связана с сувенирами и патриотическим единством.

Так, в размышлениях о реставрации главенствующим становятся не сохранение или утрата вещи, а способы и стратегии создания ценностей настоящего.

Способ повествования – отбор показательных фрагментов истории и культуры, иллюстрирующий мысль автора, – заслоняет собой возможные иные варианты отношения к истории, памяти и реставрации. Так, в главе о реставрации-реабилитации, подглаве «О Соловках наследия и Соловках памяти» автор сопоставляет опыт заключения будущего академика Дмитрия Лихачева на Соловках с 1928 по 1932 год с его способом восприятия Соловков в 1960-е годы. По мнению автора, человек, переживший заключение на Соловках, должен был одновременно перестать говорить о своем опыте (забыть) и поддержать официальный запрет на «соловецкую историю» (с. 391). И более того, стать активным участником восстановления Соловков в новом историческом значении – как памятника истории и культуры. О массовости такого восприятия Соловецкого монастыря Сандомирская не упоминает, так как основным и единственным источником становятся труды Лихачева.

Язык и стиль изложения работы находятся на границе между научным и художественным текстом, стилистически книга Сандомирской напоминает работы самого Шкловского. Разнообразный материал, наполненный зачастую заслоняющими основную мысль исследовательницы уточнениями, подробностями и отсылками к большому количеству терминов, описан фрагментарно. Возможно, в этом и была авторская задумка: книга о работе памяти и ценностях состоит из свидетельств и теорий, объединение которых задано исключительно авторской волей и отдано критической интерпретации читателя.

И все же сложность языка изложения и специфика структуры работы являются существенным препятствием для понимания идей автора. Они не дают в полной мере оценить значимость проделанной работы. В целом книга заслуживает внимания всех, кто интересуется механизмами трансформации символических ценностей в советском и постсоветском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бойм, Светлана. 2019. *Будущее ностальгии*. М.: Новое литературное обозрение.
- Голубев, Алексей. 2022. *Вещная жизнь. Материальность позднего социализма*. М.: Новое литературное обозрение.
- Козлова, Наталья и Ирина Сандомирская. 1996. *Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения*. М.: Русское феноменологическое общество, Гнозис.
- Сандомирская, Ирина. 2001. *Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик*. Вена: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien.
- Шкловский, Виктор. 1923. *Сентиментальное путешествие*. Берлин: Геликон.
- Юрчак, Алексей. 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.